

**«СМОТРИ, ЭТОТ ЧАЙ ВОТ-ВОТ ЗАКИПИТ В КОТЛЕ...»
(об одной малоизученной видо-временной форме
в тувинском языке)**

© 2016

Полина Алексеевна Оскольская

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация
polysonic@mail.ru

В статье рассматривается семантика и употребление глагольной формы со значением будущего времени в тувинском языке, ранее не описанной в грамматиках. Изучаемая форма образуется с помощью причастия будущего времени *-р* и аффиксов принадлежности, которые в данном случае выступают в функции показателей лица. Дополнительным компонентом является слово *ол*, которое может быть опущено без изменения смысла предложения. От других будущих времен тувинского языка данная форма отличается наличием дополнительной проспективной семантики (действие должно произойти вскоре после момента речи), а также модального компонента (намерение и высокая степень вероятности свершения действия по оценке говорящего). Также в статье делается предположение о происхождении формы: она появилась в результате грамматикализации полипредикативной конструкции.

Ключевые слова: будущее время, вид, время, грамматикализация, модальность, проспектив, тувинский язык, тюркские языки

**ON AN UNDERSTUDIED VERBAL FORM OF FUTURE
WITH PROSPECTIVE SEMANTICS IN TUVAN**

Polina A. Oskolskaia

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, 199053, Russian Federation
polysonic@mail.ru

The article proposes an analysis of a verbal form in the Tuvan language used to express future, prospective semantics and some modal meanings, which has never been described in Tuvan grammars. The form derives from the future participle *-r* and possessive affixes used in this case as personal markers. The additional (and optional as well) component is the particle *ol*, which can be omitted with no effect on the interpretation of the construction. This verbal form has developed as a result of grammaticalization of a poly-predicative construction.

Keywords: aspect, future, grammaticalization, modality, prospective, tense, Turkic languages, Tuvan

1. Введение

Данная статья посвящена одной грамматической форме, широко распространенной в современном тувинском языке, которая, тем не менее, не получила на сегодняшний день подробного освещения в научной литературе. Ниже представлен типичный контекст, в котором появляется эта форма (выделена жирным курсивом):

- (1) *Меңээ шаптыкта-ва, мен чагаа бижи-ир-им (ол)*¹.
 я.ДАТ мешать-NEG я письмо писать-Р/Ф-POSS.1SG (PRT)
 ‘Не мешай мне, я буду писать письмо’².

По примеру (1) видно, что словоформа *бижиирим (ол)* передает значение будущего времени. Из грамматических описаний (главным образом, [Исхаков, Пальмбах 1961: 386—391], но также и [Сат 1955: 692—693]) известно, что в глагольной системе тувинского языка существуют две формы, передающие это значение. Б. Ч. Ооржак в последней монографии, посвященной временной системе тувинского языка [Ооржак 2014], также относит к будущему времени две глагольные формы. Однако ни в грамматиках, ни в работе Б. Ч. Ооржак исследуемая форма не находит сколько-нибудь подробного описания. Впервые о ней написано в статье Д. А. Монгуша «Об аналитической форме предикации в тувинском языке» [1968/2009]³, где он рассматривает несколько форм с показателем *ол*, и в частности форму типа *бижиирим*⁴. Л. А. Шамина называет такие формы аналитическими конструкциями с притяжательными формами причастий и указательными местоимениями *ол* и *бо*. Она также пишет, что местоимения могут свободно опускаться и служат для выражения экспрессивности высказывания (и только для этого) [Шамина 2005]. В последней статье [Шамина 2014], посвященной проспективным формам в тувинском языке, эта конструкция не упоминается.

Материалы, полученные в ходе наших полевых исследований⁵, напротив, показывают, что интересующая нас форма активно функционирует в речи носителей тувинского языка. Более того, примеры ее употребления можно найти и в тувинской художественной литературе (2), (3).

- (2) *Өл ыяш-ты чүге кез-ер-иң ол? — деп,*
 сырой дерево-ACC почему рубить-Р/Ф-POSS.2SG PRT PRT
ача-зы кайга-п айтыр-ган.
 отец-POSS.3 удивиться-CV спросить-PRF
 ‘Почему ты собираешься срубить живое дерево? — удивился отец’ (К.-Э. Кудажы, «Улуг-Хем неугомонный»).

- (3) *Бөгүн дораан Чингин-Мээрең-ниң бод-ун-га чед-ер-им бо.*
 сегодня сразу Чингин-Мээрең-GEN сам-POSS.3-ДАТ доходить-Р/Ф-1SG PRT
 ‘Я сегодня же дойду до самого Чингин-Мээрена’ (С. Сарыг-оол, пример из [Монгуш 1968/2009]).

В настоящей статье будет представлена попытка описать структуру этой формы, некоторые ее семантические характеристики, а также будет сделано несколько предположений по поводу происхождения и статуса данной формы в языке.

¹ Слово *ол* помещено в скобки, так как является необязательным и часто опускаемым компонентом данной грамматической формы. С другой стороны, не учитывать его нельзя, поскольку некоторые носители все же считают его обязательным. Статус этого слова будет рассмотрен в статье более подробно в разделе 2.2.

² Все примеры в статье, если особо не отмечено иное, взяты из материала, собранного в экспедиции 2010 г., организованной на средства гранта РГНФ №10-04-18028е. Все примеры на тувинском языке приведены в современной тувинской кириллической орфографии.

³ Также эта форма рассматривается, но не столь подробно в [Монгуш 1985/2009].

⁴ Помимо рассматриваемой формы с частицей *ол* употребляется и форма причастия прошедшего времени на *-ган* (например, *бар-ган-ым ол* — ‘я (только что) ушел’), однако в этой статье мы не будем ее рассматривать.

⁵ Данные получены в ходе экспедиции в Республику Тува (Пий-Хемский и Монгун-Тайгинский кожууны) в 2010 г. Работа шла преимущественно с носителями центрального и западного диалектов тувинского языка.

2. Компоненты формы

Изучаемая форма образуется с помощью причастия будущего времени *-р* (варианты аффикса по сингармонизму: *-ар, -ер, -ыр, -ир, -ур, -үр*) и аффиксов принадлежности, которые в данном случае выступают в функции показателей лица. Дополнительным компонентом является слово *ол*, которое может быть опущено без изменения смысла предложения. Парадигма глагола *бижшир* ‘писать’ в этой форме будет выглядеть так:

Таблица 1

Парадигма изучаемой формы

1 л.	<i>бижи-ир-им (ол)</i> ‘я напишу’	<i>бижи-ир-ивис (ол)</i> ‘мы напишем’
2 л.	<i>бижи-ир-иң (ол)</i> ‘ты напишешь’	<i>бижи-ир-иңер (ол)</i> ‘вы напишете’
3 л.	<i>бижи-ир-и (ол)</i> ‘он напишет’	<i>бижи-ир-(лер)-и (ол)</i> ‘они напишут’

Рассмотрим компоненты данной формы подробнее.

2.1. Две формы на *-р* — абсолютные синонимы или частичные омонимы?

Помимо исследуемой формы в системе времен тувинского языка существует и другая форма с аффиксом *-р* — это форма настоящего-будущего времени (см. в таблице 2), или проще — времени на *-р*. Как следует из названия, она используется для передачи семантики как настоящего, так и будущего времени. И действительно, время на *-р* в тувинском языке охватывает большинство видо-временных грамматических значений, которые типологически обычно получают оформление настоящим или будущим временем, в том числе привычные значения, вневременное значение (‘Некоторые тувинцы и сейчас живут в юртах’), обозначение намерения или предположения говорящего, но не прогрессив. Иными словами, настоящее-будущее на *-р* является базовым и наиболее нейтральным временем для зоны непрошедшего времени.

Таблица 2

Настоящее-будущее время

1 л.	<i>бижи-ир мен</i> ‘я напишу’	<i>бижи-ир бис</i> ‘мы напишем’
2 л.	<i>бижи-ир сен</i> ‘ты напишешь’	<i>бижи-ир силер</i> ‘вы напишете’
3 л.	<i>бижи-ир</i> ‘он напишет’	<i>бижи-ир(лер)</i> ‘они напишут’

По сути, аффикс *-р* и является грамматическим показателем непрошедшего времени.

Этот же аффикс входит и в состав форм типа *бижширим*, передавая, судя по всему, то же самое значение — значение непрошедшего времени. Во всяком случае, такие формы не могут употребляться в контексте прошедшего времени, о чем свидетельствует невозможность примера (4).

- (4) **Дуун мен чагаа бижши-ир-им (ол).*
 вчера я письмо писать-Р/Г-ПОСС.1SG (PRT)
 ожидаем. ‘Вчера я напишу письмо’.

Таким образом, в языке одновременно функционируют две формы с показателем *-р* — *бижшир мен* и *бижширим (ол)*, — относящиеся, по всей видимости, к одному временному плану. Такая ситуация приводит к естественной конкуренции двух форм в языке, которая (если не брать во внимание факультативное *ол*) может интерпретироваться, на наш взгляд, двумя способами: либо вторая форма является дублетным вариантом первой⁶, либо это две

⁶ Диахронически появление дублетных форм можно было бы объяснить стяжением, учитывая, что стяжение — довольно распространенный процесс в тувинском языке (ср. дублетные формы

самостоятельные формы со своей семантикой. Анализ семантики обеих форм показал, что форма типа *бижирим* (далее будет обозначаться как форма на *-р2*), по-видимому, является самостоятельной (подробнее об этом см. раздел 3).

2.2. *Ол* — местоимение или частица?

Одним из элементов изучаемой формы, который и позволяет исследователям называть ее аналитической, является слово *ол*, частеречный статус которого в данном случае не совсем ясен⁷. С одной стороны, *ол* — это указательное и личное местоимение 3 л. ед. ч. («тот» или «он»). В статье 1968 г. [Монгуш 1968/2009] приведен пример, где *ол* действительно ведет себя как синтаксически самостоятельная единица. В примере (5) *ол* (другой вариант — местоимение *бо* 'этот' с той же функцией) представляет собой главный предикат, подлежащим при котором выступает конструкция с глаголом *ажылдаар*:

- (5) *Мээн ажылда-ар-ым бо / ол(-дур).*
 я.GEN работать-Р/Е-POSS.1SG PRG / PRT

'Я (вот сейчас) буду работать' [Монгуш 1968/2009: 51].

Пример (5) может в этом случае буквально переводиться как 'Есть то (такой факт), что я собираюсь работать'. Монгуш отмечает (и в примере это продемонстрировано), что к местоимениям *ол* и *бо* может добавляться частица *-тыр* (в ее огубленных вариантах: *ол-дур* и *бо-дур*), связанная по происхождению с глаголом *турар* 'стоять' [1968/2009: 51]. Эта частица иногда используется в качестве связки при именных предикатах⁸ (как так называемый аффикс сказуемости):

- (6) *Бо пөш — тур.*
 это кедр PRT

'Это (есть) кедр' [Исхаков, Пальмбах 1961: 433].

Наличие частицы *-тыр* теоретически должно подтверждать факт синтаксической самостоятельности местоимения *ол* в предложениях данного типа⁹.

Д. А. Монгуш считает, что рассматриваемая глагольная форма «все еще находится на грани между предикативными и атрибутивными формами» [Монгуш 1968/2009: 53],

вспомогательных глаголов *болур* ~ *боор* и *олур* ~ *ор*). Однако в тюркологии есть и другая точка зрения на этот вопрос. В [Кормушин 1988] отмечается, что в большинстве тюркских языков с формой на *-р* используются личные показатели I типа (как и в тувинском *бижир мен*), однако в некоторых языках можно наблюдать частичное проникновение в парадигму и личных аффиксов II типа. Например, наличие дублетных (взаимозаменяемых) форм на *-р* для 1 л. ед. ч. характерно для башкирского, татарского с барабинским, караимского, хакасского и шорского (тувинский язык, впрочем, среди них не отмечен). Такое смешение парадигмы И. В. Кормушин объясняет тем, что форма на *-р* имела две парадигмы личного спряжения: одну — при функционировании в качестве предиката (выступая как глагол), вторую — при номинализации (выступая как глагольное имя). Опираясь на материал различных тюркских языков, он утверждает, что «употребление двух серий личных показателей в форме на *-р* связано не с "фонетической" вариантностью "гомогенных", по мнению многих исследователей, формантов, но основано на функционально-грамматическом различии двух типов морфо-синтаксического сочетания глагола в форме на *-р* с маркером лица при нем» [Кормушин 1988: 398].

⁷ В статье принято решение глоссировать как частицу — PRT.

⁸ В современном тувинском языке частица *-тыр* гораздо чаще используется как показатель эвиденциальности [Harrison 2000: 41]. Значение показателя сказуемости является для нее периферийным.

⁹ В статье [Черемисина, Скрибник 1988/2004] отмечается, что «указательное местоимение в роли главного сказуемого широко встречается в тюркских языках Южной Сибири, особенно в тувинском и алтайском». Похожие примеры можно найти также в бурятском языке. По мнению авторов, основная семантическая функция местоимений — передать значение достоверности описываемого события.

приводя в качестве доказательства тот факт, что подлежащее в предложении с подобным сказуемым может выражаться как именительным, так и родительным падежом без какой-либо разницы в значении.

- (7) *Мен* (/Мээн) *ажылда-ар-ым* *бо* / *ол(-дур)*
 я.NOM (/я.GEN) работать-Р/Г-POSS.1SG PRG / PRG
 ‘Я (вот сейчас) буду работать’ [Монгуш 1968/2009: 53].

И действительно, наличие местоимения в генитиве *мээн* дает основания считать всю конструкцию полипредикативной конструкцией с зависимой предикацией. Матричным предикатом является местоимение *бо/ол(-дур)*, от которого зависит предикативная конструкция с глагольной вершиной *ажылдаарым*, выступающая в роли подлежащего при матричном предикате. Подлежащее в зависимой предикации обычно оформляется родительным падежом в тувинском, в данном случае эту функцию выполняет местоимение *мээн*. Появление конкурирующей формы местоимения *мен* свидетельствует о стремлении языковой системы к выравниванию данной конструкции по стандартной схеме независимого предложения с подлежащим в именительном падеже и сказуемым, выраженным финитной глагольной формой. Таким образом, мы видим, что форма действительно из «атрибутивной» становится более «предикативной».

Материалы, полученные в результате нашего исследования, свидетельствуют о том, что со временем внутри этой конструкции происходит процесс десемантизации местоимения *ол* с последующей утратой им своих синтаксических и семантических свойств. Во-первых, об этом свидетельствует выражение подлежащего бывшей «зависимой» части придаточного именительным падежом (вместо полагающегося в этой синтаксической позиции родительного). Вариативность *NOM/GEN*, отмеченная в 1968 г. Д. А. Монгушем, в настоящее время исчезла, и предпочтение отдается именительному падежу (по крайней мере, употребление родительного падежа в данной позиции автору не встретилось ни разу). Во-вторых, не только элемент *-тыр* (который и в статье Монгуша характеризовался как необязательный), но также и сами местоимения *ол* и *бо* являются в современном языке факультативными и могут без ущерба для смысла предложения опускаться. Абсолютное большинство опрошенных носителей языка (15 из 19 человек) считают, что оба местоимения можно опустить, и сами периодически опускают их в речи. Отдельные информанты (в основном, пожилого возраста (50-60 лет)) утверждали, что употребление *ол* в данной форме обязательно, и использовали его во всех случаях без исключений¹⁰.

Эти факты (именительный падеж подлежащего и частое опущение местоимений) свидетельствуют о постепенном переосмыслении носителями языка предложений с формами на *-р₂*: «бывшая» полипредикативная единица становится простым предложением. Как следствие, родительный падеж уступает место именительному как стандартному падежу подлежащего в простых предложениях. Форма, содержащая глагольную лексему, начинает восприниматься как сказуемое простого предложения, а следовательно, и как финитная глагольная форма. Местоимение *ол* попадает в маргинальную позицию для знаменательного слова — в позицию за сказуемым. В тувинском языке обычно такую позицию занимают слова с абстрактной семантикой, которые, как правило, не обладают синтаксической (да и семантической) самостоятельностью и дополняют семантику предиката — в научной литературе их принято называть частицами¹¹. Несмотря на то, что частицы оказывают влияние на семантику глагольной словоформы, как правило, они могут свободно опускаться. Видимо, по схожей схеме начинает себя вести и слово *ол* в данном случае, что позволяет

¹⁰ Характерно, что один из опрошенных носителей считал употребление *ол* обязательным, но при этом в своей речи часто позволял себе его опустить.

¹¹ О роли частиц в синтаксисе тувинского языка можно прочитать, например, в [Монгуш 1998; Байыроол 2009].

говорить о нем, скорее, как о частице, чем о как местоимении¹². Можно предположить, что в дальнейшем описанная тенденция будет только закрепляться.

Напоследок отметим, что второе местоимение *бо*, упоминавшееся в статье Д. А. Монгуша [1968/2009] как основное в изучаемой форме, как кажется, утрачивает свои позиции и в настоящий момент встречается значительно реже своего ближайшего «аналога» *ол*. Впрочем, этот вопрос требует отдельного исследования и подробно автором настоящей статьи не рассматривался.

2.3. Показатели притяжательности или личные аффиксы?

Последние компоненты формы, которые мы собираемся рассмотреть, — аффиксы, обозначающие лицо, участвующее в совершении действия. В форме на $-p_2$ в качестве таковых используются аффиксы принадлежности. Исторические причины появления таких аффиксов довольно прозрачны: если с диахронической точки зрения форма на $-p_2$ была предикатом зависимого предложения, то по правилам грамматики она присоединяла аффиксы принадлежности. Однако на синхронном уровне форма на $-p_2$ поменяла свой статус (см. раздел 2.2) в сторону самостоятельной предикации. Таким образом, представляется обоснованной инициальная интерпретация *-им* в данной форме как личного аффикса 1 л. ед. ч. в глагольной словоформе, а не как аффикса принадлежности. В сознании носителя языка такая интерпретация также будет довольно естественной, поскольку набор аффиксов принадлежности на две трети тождествен аффиксам лица II типа (см. таблицу 3): аффиксы 1-го и 2-го лица совпадают с соответствующими аффиксами принадлежности, различаются лишь аффиксы 3-го лица (нулевой показатель для личных аффиксов и показатель *-и* для аффиксов принадлежности).

Таблица 3

Аффиксы принадлежности II типа на примере форм прошедшего времени на *-ды*

1 л.	<i>бижиди-м</i> 'я написал'	<i>бижиди-вис</i> 'мы написали'
2 л.	<i>бижиди-ң</i> 'ты написал'	<i>бижиди-ңер</i> 'вы написали'
3 л.	<i>бижиди-ө</i> 'он написал'	<i>бижиди-(лер)</i> 'они написали'

Таким образом, можно утверждать, что в современном тувинском языке форма на $-p_2$ становится самостоятельной глагольной формой со своим особым типом личных показателей.

3. Семантика форм на $-p_2$

В этом разделе мы попробуем рассмотреть известные нам ситуации, в которых употребляется форма на $-p_2$. Характерной чертой глагольной системы тувинского языка является закрепление за одним грамматическим показателем значений нескольких грамматических категорий (временных, аспектуальных и модальных). Именно этим и объясняется, по-видимому, с одной стороны, количество и разнообразие глагольных времен, которые встречаются в грамматических описаниях тувинского языка, а с другой стороны, колебание в количестве глагольных времен от работы к работе. Вопрос, какой набор грамматических значений, закрепленный за определенной формой, называть временем¹³, нетривиален, и каждый исследователь решает его по-своему.

¹² В статье [Шамина 2005: 54] отмечено: «Занимая финальную позицию, местоимения *бо* и *ол* совмещают две функции: свою (указательную) и служебную — служат для выражения экспрессивности высказывания. Они могут быть сняты без ущерба семантики целого, что говорит о том, что служат они только для передачи экспрессии». Об экспрессивности частиц см. также [Черемисина, Скрибник 1988/2004].

¹³ Т. е. обозначить временное значение в качестве доминирующего среди других грамматических значений.

Когда речь идет о сфере значений зоны ирреалиса, часто встает проблема разграничения категории времени (конкретно, будущего времени) и категории наклонения. Так как в сферу значений будущего времени входят события, не имеющие (как минимум, на момент речи) отношения к реальности, довольно естественной является ситуация, когда говорящий вкладывает в передачу информации о будущем и свое личное отношение к этому факту — уверенность или неуверенность по поводу свершения события, оценку вероятности предполагаемого события, т. е. передает те значения, которые принято называть модальными. По этой причине неизбежно возникает проблема: к какой грамматической категории следует относить грамему, включающую в себя и значения будущего времени, и модальные компоненты — является ли такая граммаема показателем будущего времени или все-таки показателем наклонения¹⁴. Не предлагая пока конкретного решения, отметим, что эта проблема возникает и при интерпретации изучаемой формы. В данном разделе мы попытаемся перечислить некоторые значения, которыми обладает форма на *-p₂*.

3.1. *Бижиир мен vs. бижиирим*

Как было уже сказано в разделе 2.1, существование в языке двух внешне похожих форм можно интерпретировать как дублетные формы со схожей семантикой. Для проверки этой трактовки сопоставим формы настоящего-будущего на *-p* и формы на *-p₂*, перечислив основные значения, в которых употребляется форма настоящего-будущего времени, и проверив, сможет ли употребляться в этих случаях форма на *-p₂*.

3.1.1. Настоящее-будущее время на *-p*, несмотря на название, не передает значения собственно актуального настоящего времени, т. е. не может обозначать действие, разворачивающееся в момент речи. В семантику этого времени входят аспектуальные компоненты, которые часто выражаются с помощью граммем настоящего времени: в примерах (8)—(10) продемонстрировано употребление времени на *-p* в хабитуальном, итеративном и фреквентативном контекстах. В последнем примере (11) представлено значение настоящего генерического (не связанного с моментом речи):

- (8) *(Эрте тур-ар-ын-га ынак мен.)*
 рано встать-FUT.PTCP-POSS.3-DAT любимый 1SG
Мен эртенги-ниң алды шак-та тур-ар мен.
 я утренний-GEN 6 час-LOC вставать-P/F 1SG
 ‘(Я люблю вставать рано.) Я встаю в 6 утра¹⁵’;
- (9) *Мен болганчок театр-же баар мен.*
 я часто театр-ALL идти.P/F 1SG
 ‘Я часто хожу в театр’;
- (10) *Мээң ача-м хуннуң-не ыд-ы=биле парк-ка агаарла-ар.*
 я.GEN отец-POSS.1SG каждый.день собака-POSS.3=c парк-DAT гулять-P/F
 ‘Мой отец каждый день гуляет с собакой в парке’;
- (11) *Диш-тер алгыр-ар болгаи ыт-тар ээр-ер.*
 кошка-PL кричать-P/F и собака-PL лаять-P/F
 ‘Кошки мяукают, а собаки лают’.

Следующие примеры показывают, что подстановка вместо исходного предиката формы на *-p₂* в данных ситуациях либо делает предложение грамматически неверным (*), либо

¹⁴ Эта проблема уже возникала при описании тувинского языка. Вспомним упомянутый выше пример: аффикс *-гай*, традиционно относимый к аффиксам сослагательного наклонения (в терминологии [Harrison 2000] — оптатив), в диссертации Б. Ч. Ооржак считается аффиксом будущего времени.

¹⁵ Предложение из анкеты Э. Даля [Dahl 1985].

меняет его изначальный смысл. В примере (8') идет речь о конкретном событии в будущем времени, при этом говорящий твердо уверен в осуществлении собственных намерений (*Я решил, что встану в 6 утра, я собираюсь это сделать*):

- (8') (Эрте тур-ар-ын-га ынак мен.)
 рано встать-FUT.PTCP-POSS.3-DAT любимый 1SG
 Мен эртенги-ниң алды шак-та тур-ар-ым (ол).
 я утренний-GEN 6 час-LOC вставать-P/F-POSS.1SG (PRT)
 'Я люблю рано вставать.) Я встану в 6 утра (я собираюсь, я решил).'

Пример (9') невозможен, так как форма *баар-ым (ол)* передает значение конкретного действия в будущем и наречие «часто» не употребляется в этой ситуации (ср. **Я часто пойду в театр*), однако возможен (9'') с аналогичными примеру (8') значениями будущего времени с оттенками намерения совершить действие и уверенностью говорящего (возможный контекст: *Я собираюсь идти в театр, у меня уже есть билеты*).

- (9') *Мен болганчок театр-же баар-ым (ол).
 я часто театр-ALL идти.P/F-POSS.1SG (PRT)
 (9'') Мен театр-же баар-ым (ол).
 я театр-ALL идти.P/F-POSS.1SG (PRT)
 'Я пойду в театр (я собираюсь, я решил и иду).'

Примеры (10')—(11') аналогичны (8')—(9'') с той лишь разницей, что намерение совершить действие в обоих случаях принадлежит не говорящему, а субъекту в третьем лице.

- (10') Мээң ача-м хуннуң-не ыд-ы=биле парк-ка агаарла-ар-ы (ол).
 я.GEN отец-POSS.1SG каждый.день собака-POSS.3=с парк-DAT гулять-P/F-POSS.3 (PRT)
 'Мой отец собирается каждый день гулять в парке с собакой'.
 (11') Диш-тер алгыр-ар болгаи ыт-тар ээр-ер-и (ол).
 кошка-PL кричать-P/F-POSS.3 и собака-PL лаять-P/F-POSS.3 (PRT)
 'Кошки вот-вот замяукают и собаки вот-вот залают'.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что форме на *-р₂* не свойственны значения, присущие настоящему времени: все грамматически возможные предложения получили значение будущего времени. Кроме того, во всех примерах с данной формой появляются дополнительные модальные компоненты значения: намерение совершить действие, уверенность субъекта в том, что действие произойдет (как правило, в самое ближайшее время). Также нельзя не указать и аспектуальный компонент: во всех примерах описывается подготовительная фаза ситуации (в русских переводах это отражено словами *собираюсь* и *вот-вот*), что дает основания считать данную форму проспективной, подробнее об этом ниже в разделе 3.1.2.

3.1.2. Отмеченные в предыдущем пункте компоненты семантики еще более отчетливо проявляются при сопоставлении контекстов будущего времени и сравнении формы настоящего-будущего на *-р* с формой на *-р₂* (в этом подразделе все примеры даются парами, с обеими формами). Настоящее-будущее на *-р*, как правило, обозначает некоторый факт будущего, действие, следующее за моментом речи на любой временной дистанции от него (12).

- (12) Мен хэй ажылда-ар мен.
 я много работать-P/F 1SG
 'Я буду много работать'¹⁶.

¹⁶ Перевод в настоящем времени 'Я много работаю', конечно, тоже возможен, но не актуален для этого подраздела. См. раздел 3.1.1.

Если заменить сказуемое в (12) формой на $-p_2$, то помимо факта о будущем дополнительно появляются модальный компонент значения: намерение говорящего совершить действие (*Я решил, я уверен, что буду это делать*) — и аспектуальный (*Я еще не приступил к работе, но это скоро произойдет*):

- (12') *Мен хөй ажылда-ар-ым (ол).*
я много работать-Р/Ф-POSS.1SG (PRT)
'Я собираюсь много работать'.

Анализ имеющегося материала показывает, что особенно часто форма на $-p_2$ встречается в ситуациях, обозначающих действие, которое произойдет вскоре или непосредственно после момента речи (13')—(14'), что с точки зрения временной семантики позволяет считать ее формой ближайшего будущего времени¹⁷. (Обычная форма на $-p$ в то же время (13)—(14) по-прежнему возможна.)

- (13) *Мана, сээң ном-уң-ну ам ты-нт-ар мен.*
ждать.IMP.2SG ты.GEN книга-POSS.2SG-ACC сейчас найти-PRFV-Р/Ф 1SG
'Подожди, я сейчас найду твою книжку'.

- (13') *Мана, сээң ном-уң-ну ам ты-нт-ар-ым (ол).*
ждать.IMP.2SG ты.GEN книга-POSS.2SG-ACC сейчас найти-PRFV-Р/Ф-POSS.1SG (PRT)
'Подожди, я вот-вот найду твою книжку (это произойдет сразу)'.

- (14) — *Сен бо хүн Сайгана-ны көөр ирги сен бе?*
ты этот день Сайгана-ACC видеть.Р/Ф PRT 2SG Q
— *Ийе, ужураж-ыр мен.*
да встретить-Р/Ф 1SG
'— Ты увидишь сегодня Сайгану? — Да, я с ней встречу'.

- (14') — *Сен бо хүн Сайгана-ны көөр-үң бе?*
ты этот день Сайгана-ACC видеть.Р/Ф-POSS.2SG Q
— *Ийе, ужураж-ыр-ым (ол).*
да встретить-Р/Ф-POSS.1SG (PRT)
'— Ты собираешься увидаться сегодня с Сайганой? — Да, я собираюсь встретиться'.

Вместе с тем, этот набор значений позволяет также говорить и о семантике проспектива — аспектуальной категории, маркирующей подготовительную фазу ситуации, фазу перед началом действия, обозначенного предикатом. Проспектив не является устоявшейся, глубоко разработанной в научном плане категорией, в частности, вопрос о взаимодействии ближайшего будущего времени и проспектива, временной и аспектуальной категории, остается дискуссионным. В данной работе мы опираемся на понимание проспектива по монографии В. А. Плунгян [2011: 385], который, в свою очередь, ссылается на [Comrie 1976]. Несмотря на то, что, по-видимому, проспектив широко распространен в тюркских языках [Nevskaya 2005], нельзя сказать, что он изучен подробно. В частности, о способах выражения проспектива в тувинском языке см. [Шамина 2014] и немного [Шамина 2005]. Как уже было упомянуто выше, форма на $-p_2$ в [Шамина 2014] не упоминается. Обычно проспектив в разных языках выражается с помощью перифрастических конструкций, в тувинском языке таких конструкций несколько (именно их и рассматривает Л. А. Шамина). В отношении формы на $-p_2$ возникает вопрос, считать ли ее временной или все же проспективной (т. е. аспектуальной). В [Плунгян 2011] отмечается семантическая смежность проспектива

¹⁷ Примечательно, что в тувинском языке также существует специальная временная форма на $-галак$ для обозначения ближайшего будущего (*баргалак бис* 'мы вот-вот пойдем'). Об этой форме см. статьи [Ооржак 1996; Шамина, Черемисина 1982; Шамина 2014]. Однако в наших материалах эта форма не встретилась.

и ближайшего будущего времени — формы проспектива часто называют временными в разных языках мира. Однако важным признаком проспективной граммы является способность сочетаться с разными временными показателями [Плунгян 2011: 386]. Таким свойством, например, обладает тувинская проспективная конструкция *V-p деп тур-Г*, где *V* — это смысловой глагол, а *Г* — аффикс времени. Она образована с помощью причастия на *-p*, частицы *деп*, возводимой к глаголу *дээр* ‘говорить’, и вспомогательного глагола *тур-* ‘стоять’. Вспомогательный глагол может присоединять как показатели прошедшего времени, так и показатель настоящего-будущего времени на *-p* (подробнее об этом [Шамина 2014: 74]).

Изучаемая же форма относится исключительно к плану будущего времени, и поэтому чисто проспективной ее назвать нельзя. Однако проспективный компонент значения является одним из ее важных семантических свойств, отделяющих ее от формы «стандартного» общетюркского будущего времени, как мы видим в примерах. Так, пример (13') отличается от (13) тем, что говорящему важно сообщить, что действие произойдет в момент, следующий за моментом речи. Аналогично, в (14'), в отличие от (14), говорящий не просто обозначает факт встречи в будущем, но и фазу начала предстоящего действия.

Несмотря на то, что базовое значение формы на *-p₂* — маркирование ситуации ближайшего будущего, она может употребляться (наряду с формами обычного будущего времени) в ситуациях, подразумевающих и более длительную временную дистанцию.

- (15) *Кел-ир чылын университет-че кир-ер мен.*
 приходить-FUT.PTCP год университет-ALL входить-P/F 1SG
 ‘В следующем году я буду поступать в университет’.

- (15') *Кел-ир чылын университет-че кир-ер-им (ол).*
 приходить-FUT.PTCP год университет-ALL входить-P/F-POSS.1SG (PRT)
 ‘В следующем году я **собираюсь** поступать в университет’.

- (16) *Мээң огл-ум үш чыл болгаи школа-зы-н дооз-ар.*
 я.GEN сын-POSS.1SG три год через школа-POSS.3-ACC закончить-P/F
 ‘Мой сын через три года закончит школу’.

- (16') *Мээң огл-ум үш чыл болгаи школа-зы-н дооз-ар-ы (ол).*
 я.GEN сын-POSS.1SG три год через школа-POSS.3-ACC закончить-P/F-POSS.3 (PRT)
 ‘Мой сын **через три года** закончит школу (это точно произойдет)’.

Примеры (15')—(16') отличаются от (15)—(16) желанием говорящего передать собственную уверенность в том, что произойдет, несмотря на то что речь не идет о событиях ближайшего будущего. Пример (16'), предъявленный для оценки информанту-носителю, был назван менее естественным из-за того, что субъект стоит в 3 л. (быть уверенным в другом человеке сложнее, чем быть уверенным в себе), однако грамматически такое предложение возможно.

В ситуации, когда говорящий сообщает о событиях будущего времени, в которых он не уверен, форма на *-p₂* однозначно запрещается, ср. (17) и (17').

- (17) — *Бөгүн сен чү-нү кыл-ыр сен?*
 сегодня ты что-ACC делать-P/F 2SG
 ‘Что ты сегодня делаешь?’

- *Бил-бес мен, танцыла-ар боор мен.*
 знать-FUT.NEG 1SG танцевать-FUT.PTCP AUX.P/F 1SG
 ‘Не знаю, возможно, я пойду на танцы.’

- (17') (— *Бөгүн сен чү-нү кылг-ыр-ың (ол)?*)
 сегодня ты что-ACC делать-P/F-POSS.2SG (PRT)
 ‘— Что ты сегодня делаешь?’

— *Бил-бес	мен,	танцыла-ар-ым	(ол).
знать-FUT.NEG	1SG	танцевать-P/F-POSS.1SG	(PRG)
— *Бил-бес	мен,	танцыла-ар	боор-ум (ол).
знать-FUT.NEG	1SG	танцевать-FUT.PTCP	AUX-P/F 1SG

Перечисленные примеры, с одной стороны, демонстрируют сходство двух форм (одна может заменять другую практически во всех случаях), с другой стороны, форма настоящего-будущего времени покрывает более широкий спектр ситуаций, демонстрируя, как правило, общее значение будущего времени; форма на $-p_2$, наоборот, обладает специальным набором значений, заметно чаще появляясь в контекстах именно ближайшего будущего. Таким образом, форма на $-p_2$ не является дублетным вариантом формы настоящего-будущего времени, а, наоборот, представляет собой самостоятельную грамматическую единицу со своей собственной семантикой.

В таком случае в плане выражения этой грамматической семантики можно наблюдать интересное явление: в силу омонимии временных аффиксов ($-p$) в обеих формах именно личные показатели становятся тем признаком, который позволяет разделить две глагольные формы с разной временной семантикой (личные аффиксы для настоящего-будущего времени и особые личные аффиксы для изучаемой словоформы).

3.2. Некоторые особенности форм на $-p_2$

Проделанный выше анализ показал, что в семантике формы на $-p_2$ присутствует три компонента, которые дают основания выделять ее как самостоятельную форму:

- 1) *временной компонент* — данная форма может употребляться лишь для передачи значений будущего времени. Выше было показано (4), что употребление этой формы в контексте прошедшего времени невозможно. О связи данной формы с планом настоящего времени см. ниже (раздел 3.2.2);
- 2) *модальный компонент* — данная форма передает намерение и высокую степень вероятности (по оценке говорящего) описываемого действия. Употребляя данную форму, говорящий уверен в том, что действие произойдет (часто благодаря своему решению);
- 3) *аспектуальный компонент* — данная форма передает значение проспектива, т. е. может выражать подготовительную стадию ситуации.

Взаимодействие трех этих компонентов значения внутри одной словоформы влияет на функционирование ее в языке. В результате форма на $-p_2$ не только охватывает узкий набор контекстов, но и проявляет некоторые лексические ограничения на состав глаголов, способных ее образовывать. Ниже мы попробуем продемонстрировать некоторые особенности функционирования данной словоформы, замеченные в ходе исследования.

3.2.1. Значение ближайшего будущего времени, которое передает форма на $-p_2$, обуславливает частую сочетаемость этой формы с соответствующими наречиями короткого временного промежутка, прежде всего с наречиями *ам* ‘сейчас’, *дораан* ‘тотчас’, ‘вот-вот’ (18).

- (18) *Адыр, ам кел-ир-им!*
 погоди сейчас приходить-P/F-POSS.1SG
 ‘Погоди, я сейчас приду!’

3.2.2. Пример (18) на самом деле представляет собой своеобразный диагностический контекст для изучаемой формы: именно в подобных конструкциях она чаще всего появляется самостоятельно, по воле информанта, а не как второй, допустимый, вариант, предложенный исследователем. И в данном случае сама ситуация подразумевает, что действие произойдет в ближайшем будущем и продлится ровно столько, сколько говорящий «заставит себя ждать». Ключевую роль в передаче смысла здесь играет междометие *адыр*, которое можно перевести на русский лексикализованными императивами *постой*, *погоди*.

Схожими свойствами обладают контексты, включающие императивы *шантыктава* ‘не мешай’ (19) и *көр* ‘посмотри’ (20).

- (19) *Шантыкта-ва, мен ам балык хаар-ар-ым (ол)!*
 мешать-NEG я сейчас рыба жарить-Р/Г-POSS.1SG (PRT)
 ‘Не мешай, я сейчас буду жарить рыбу!’
- (20) *Көр, паиш-та шай дораан хайн-ыр-ы (ол)!*
 смотреть:IMP.2SG котел-LOC чай вот-вот кипеть-Р/Г-POSS.3 (PRT)
 ‘Смотри, вот-вот в котле чай закипит!’

В перечисленных контекстах действительно часто появляется форма на $-p_2$. В то же время их очевидный недостаток заключается в пересечении с зоной прогрессива: легко представить себе типичную ситуацию ‘Не мешай мне, я сейчас пишу письмо’. В связи с этим возникает вопрос, не является ли и сама форма на $-p_2$ прогрессивной.

Для выражения прогрессива в тувинском языке существует специальная аналитическая конструкция, которая образуется с помощью деепричастия основного глагола с показателем $-п$ и одного из четырех вспомогательных глаголов (*тур-* ‘стоять’, *олур-* ‘сидеть’, *чыт-* ‘лежать’, *чор-* ‘идти’). Именно она является основным способом выражения этой семантики (21).

- (21) *Мен ажылда-п тур мен.*
 я работать-CV AUX 1SG
 ‘Я (в данный момент) работаю’.

В статье Д. А. Монгуша отмечено, что «причастие от глаголов незаконченного вида в той же форме выражает настоящее время данного момента, т. е. передает действие, которое происходит в момент речи» [Монгуш 1968/2009: 55], фактически утверждается, что у формы возможно появление значения прогрессива настоящего времени. Под глаголами «незаконченного вида» автор, по-видимому, понимает аналитические конструкции со вспомогательными глаголами *турар*, *олурар* и некоторыми другими (не путать с *тур*, *олур*, о которых шла речь выше: последние являются грамматикализовавшимися формами первых, использующимися исключительно в конструкции прогрессива настоящего времени).

- (22) *Мен ажылда-п тур-ар-ым бо.*
 я работать-CV стоять-Р/Г-1SG PRT
 ‘Я (вот сейчас) работаю’ [Монгуш 1968/2009: 51].

В этом предложении настоящее время и прогрессив передаются за счет аналитической конструкции, а форма на $-p_2$, видимо, отвечает за экспрессивную оценку говорящего. Перевод примера дан из статьи Монгуша, более точного перевода или комментария автор не дает. Также в статье встретился следующий пример.

- (23) *А бо мал-дар чоп тур-ар-ы ол?*
 а это животное-PL почему стоять-Р/Г-3PL PRT
 ‘А эти лошади почему стоят?’ [Монгуш 1968/2009: 55]

В нем нет аналитической конструкции, в форме на $-p_2$ стоит самостоятельный глагол, при этом, по мнению автора статьи, предложение передает именно значение прогрессива («передает действие, которое происходит в момент речи» [Монгуш 1968/2009]). Возможно, значение прогрессива действительно зависит от акционального класса глагола, однако это требует дополнительного изучения, и сейчас мы ограничимся лишь предварительными наблюдениями.

3.2.3. Еще одна особенность формы на $-p_2$ — тенденция к употреблению с подлежащими 1-го и 2-го лица. Во-первых, это объясняется тем, что сама форма часто употребляется в разговорной речи, а для диалогической речи, очевидно, характерно более частое использование

местоимений 1-го и 2-го лица (в особенности единственного числа), обозначающих собеседников. С другой стороны, как кажется, модальная семантика формы подразумевает, что человек с большей уверенностью может говорить о себе (1 л. ед. ч.) и о своих поступках, чем о других людях и их поступках. Нельзя сказать, что подлежащие 3 л. не могут употребляться с формой на $-p_2$, однако естественное порождение этой формы гораздо чаще происходит именно в контекстах с подлежащими 1-го и 2-го лица.

3.2.4. Форма на $-p_2$ в контекстах, требующих отрицания, обнаруживает значительные особенности. Д. А. Монгуш [1968/2009: 52] приводит в своей статье отрицательную парадигму глагола для всех лиц. Она состоит из отрицательного причастия будущего времени (показатель *-бас*)¹⁸ и аффиксов принадлежности в качестве личных окончаний (например, *биживезим* ‘я не напишу’). Несмотря на формальную возможность образовать такую парадигму, в реальной речи, как выясняется, функционирование отрицательной формы довольно ограничено. В тех случаях, где утвердительная форма на $-p_2$ была бы уместной, отрицательную, напротив, часто запрещают, предлагая в качестве более подходящего варианта отрицательную форму настоящего-будущего времени на $-p$ (она образуется также при помощи показателя *-бас*), ср.:

- (24) *Мен чаа чед-ип кел-ди-м, хоорай кези-ип-им (ол).*
я только.что достигать-CV приходить-PST-1SG город гулять-P/F-POSS.1SG PRT
‘Я только что приехал, собираюсь погулять по городу’.
- (25) *Мен чаа чед-ип кел-ди-м, хоорай кези-вес мен.*
я только.что достигать-CV приходить-PST-1SG город гулять-FUT.NEG 1SG
‘Я только что приехал и не собираюсь гулять по городу’. (ср. с (25’))
- (25’) [?]*Мен чаа чед-ип кел-ди-м, хоорай кези-вез-им (ол).*
я только.что достигать-CV приходить-PST-1SG город гулять-FUT.NEG-POSS.1SG (PRT)
[?]‘Я только что приехал и не собираюсь гулять по городу’.

Для (24) использование формы на $-p_2$ нормально, в то время как для ситуации отрицания естественной является форма настоящего-будущего времени, как в (25), а вариант (25’) либо получит запрет, либо будет разрешен, но лишь после подсказки исследователя. Можно объяснить это тем, что прагматически менее типично сообщение о том, чего субъект **не** собирается делать, поэтому получается, что при отрицании противопоставление двух будущих времен нейтрализуется¹⁹. Таким образом, получается, что носителю тувинского языка при отрицании будущего времени важно просто сообщить факт, что событие не произойдет, не осложняя его дополнительной (уже неактуальной) семантикой.

Тем не менее отрицательная форма на $-p_2$ все же появляется в некоторых довольно специфических контекстах типа риторических вопросов (26), где говорящему нужно вложить эмоциональный компонент — например, удивление — в высказывание, а отрицание, по сути, не выполняет своих прямых функций.

- (26) *Меңээ дузала-ш-паз-ың (ол) бе?*
я.DAT помогать-REC-P/F-POSS.2SG (PRT) Q
‘Разве ты не собираешься мне помочь?’

Таким образом, отрицательная форма на $-p_2$ сразу обнаруживает свою актуальность с появлением дополнительной модальной семантики.

3.2.5. Последняя часть этого раздела посвящена продуктивности форм на $-p_2$ и тому, насколько широк лексический список глаголов, способных их образовывать. Наше

¹⁸ В тувинском языке отрицательная форма причастия будущего времени и омонимичная ей форма будущего времени имеют особый показатель.

¹⁹ Явление нейтрализации будущих времен при отрицании отмечается в некоторых языках, см. [Ultan 1978: 95].

исследование, проведенное на выборке из 100 глаголов²⁰, показало, что лексических ограничений на образование формы на $-p_2$ нет. Однако часть глаголов из списка получила определенное количество запретов на образование этой формы, причем некоторые глаголы запрещались чаще, некоторые — реже. Абсолютного запрета на образование формы не получил ни один глагол. Всего глаголов с различными ограничениями на образование описываемой формы было найдено около 40 (из 100).

Семантически эти глаголы оказались крайне неоднородны, и объединить их в одну (или несколько) семантических групп пока представляется маловероятным. Поведение каждого глагола надо рассматривать в отдельности. Предварительно назовем, не претендуя на хоть сколько-нибудь полноценную классификацию, наиболее явные черты семантики глаголов, которые, как нам кажется, могут влиять на способность употребляться в изучаемой форме.

Прежде всего, среди данных глаголов встречаются такие, которые можно было бы объединить под семантическим признаком **неконтролируемости**²¹. Главным образом они обозначают те действия, свершение которых мало или совсем не зависит от воли субъекта, который является главным действующим лицом ситуации. К таким глаголам относятся, например, *кырыыр* ‘стареть’, *сирилээр* ‘дрожать’, *доңар* ‘мерзнуть’.

(27) ^{ок}Мен ам доң-ар мен.
я сейчас мерзнуть-Р/Г 1SG
‘Я вот-вот замерзну’.

(27') *Мен ам доң-ар-ым (ол).
я сейчас мерзнуть-Р/Г-POSS.1SG (PRT)

В отдельную группу можно выделить глаголы, описывающие разнообразные действия неодоушевленных субъектов, которые принципиально не могут быть контролируемы, типа *хайныр* ‘кипеть’, *өзер* ‘расти’ (о растениях), *быжар* ‘поспевать (о плодах)’, *чечектелир* ‘цвести’. Понятно, что в естественной ситуации трудно себе представить употребление субъектов 1-го или 2-го лица с этими глаголами. Поэтому, скорее всего, на ситуации, описываемые этими глаголами, мы смотрим обычно глазами говорящего, который, в свою очередь, не может контролировать развитие действия. Как следствие, эти глаголы тоже иногда попадают под запрет на образование исследуемой формы.

(28) ^{ок}Ам час. Удавас чодураа-лар чечектел-ир.
сейчас весна скоро черемуха-PL цвести-Р/Г
‘Сейчас весна. Вот-вот черемуха зацветет’.

(28') *Ам час. Удавас чодураа-лар чечектел-ир-и (ол).
сейчас весна скоро черемуха-PL цвести-Р/Г-POSS.3 (PRT)

Идея не- или контролируемости вполне сочетается с семантикой изучаемой формы: чтобы передать намерение совершить действие, нужно быть уверенным в способности его осуществить.

В то же время признак неконтролируемости считается диагностическим для разделения чисто проспективных конструкций и форм будущего времени [Comrie 1976: 65]. И тогда, с одной стороны, получается, что форма на $-p_2$ ведет себя именно как форма будущего времени, с другой стороны, тот факт, что абсолютных запретов не было ни для одного глагола,

²⁰ Предварительно был составлен список из 100 глаголов разных акциональных классов (состояния, процессы, действия, события). За основу был взят список глаголов для исследования акциональных классов в калмыцком языке из статьи [Овсянникова 2009]. Список был также дополнен глаголами разных лексико-семантических групп: глаголами эмоций, говорения, поведения, восприятия, явлений природы и др. Затем для каждого из 100 глаголов с помощью анкет проверялась возможность образования и использования форм на $-p_2$.

²¹ Термин «контролируемость/неконтролируемость» используется в трактовке Анны А. Зализняка [1992]. См. также [Булыгина 1982; Кустова 1992].

а (27°) и (28°) запрещали далеко не все информанты, свидетельствует о постепенном размывании интенциональной семантики и о переходе изучаемой формы в разряд проспективных.

На данном этапе исследования остановимся на том, что форма на $-p_2$ преимущественно продуктивна и в общем случае образуется от любого глагола.

4. Выводы и попытка обобщения

Описанный выше материал позволяет сделать некоторые выводы о статусе формы на $-p_2$ в современном тувинском языке, а также дает основания для того, чтобы представить этапы ее развития в историческом разрезе (хоть и на небольшом отрезке времени).

4.1. В настоящий момент форма на $-p_2$ находится в переходном состоянии между аналитической формой и независимой глагольной словоформой. Выше было показано, что внутри одной словоформы совмещаются значения нескольких грамматических категорий: форма на $-p_2$ обладает временной (обозначает ближайшее будущее время), модальной (передает уверенность говорящего) и аспектуальной (передает проспективное значение) семантикой. Из трех перечисленных компонентов аспектуальный представляется наименее важным с точки зрения внутренней иерархии грамматических значений, поскольку все-таки основным способом выражения проспективного значения является аналитическая конструкция *V деп тур-Т*, упомянутая выше. Взаимодействие временной и модальной семантики выглядит более тесным и равноправным. С одной стороны, модальная семантика является тем компонентом, который отличает изучаемую форму от настоящего-будущего времени и тем самым позволяет выделить новое будущее время. С другой стороны, признав модальную семантику превалирующей над временной, форму на $-p_2$ можно было бы обозначить как наклонение. Здесь важным критерием является тот факт, что позицию в слове, которую обычно занимает аффикс времени или наклонения (в тюркских языках это одна и та же позиция), в данной ситуации занимает временной аффикс $-p$ — общетюркский аффикс будущего времени. На наш взгляд, это позволяет считать данную форму временной. Таким образом, в настоящий момент мы можем наблюдать формирование в современном тувинском языке новой грамматической формы, которую можно охарактеризовать как ближайшее будущее время с дополнительными оттенками проспективной семантики, а также модальной семантики уверенности. Особенностью данной формы является то, что передаваемая ею грамматическая семантика выражается не одним показателем, а сочетанием показателей: временного аффикса $-p$ и личных аффиксов (= аффиксов притяжательности).

4.2. Если сравнивать материал, изложенный в статье Д. А. Монгуша 1968 года, и современный материал, полученный в ходе полевых исследований, можно предположить, как развивалась изучаемая форма в течение последних десятилетий.

Сперва имелась полипредикативная конструкция с вершиной-местоимением *ол* и относящейся к ней зависимой частью, состоящей из субъекта, выраженного родительным падежом, и причастия в предикативной функции, наделенного притяжательным аффиксом, обозначающим субъект (*Мээң чагаа бижиирим ол-дур* 'Я собираюсь написать письмо'). Возможно, на этом этапе мы имеем дело уже не с первоначальным вариантом синтаксической конструкции, а с одним из ее ранее грамматикализованных вариантов. В дальнейшем конструкция начинает переосмысляться — возникает вариативное маркирование субъекта: родительный падеж vs. именительный, причем именительный постепенно начинает вытеснять родительный (*Мен чагаа бижиирим ол-дур*). Затем вслед за «новым» подлежащим форма зависимой предикации начинает постепенно превращаться в независимое сказуемое, выраженное глагольной формой; об этом свидетельствует появившаяся возможность опущения местоимения *ол*, не говоря уже о частице *-дур*, которая могла опускаться и раньше, *Мен чагаа бижиирим (ол-дур)*. Именно на этом этапе грамматикализации мы наблюдаем эту форму в настоящий момент. Можно предположить, что дальнейшее развитие языка приведет эту форму к еще большему упрощению, а именно частица *ол* исчезнет как хоть сколько-нибудь обязательный элемент конструкции, а форма *бижиirim* будет восприниматься как

независимая глагольная форма (*Мен чагаа бижиирим*). Также можно предположить, что аффиксы притяжательности, выполняющие сейчас функцию личных показателей, могут уподобиться личным аффиксам II типа. Описанный процесс можно представить в виде небольшой схемы.

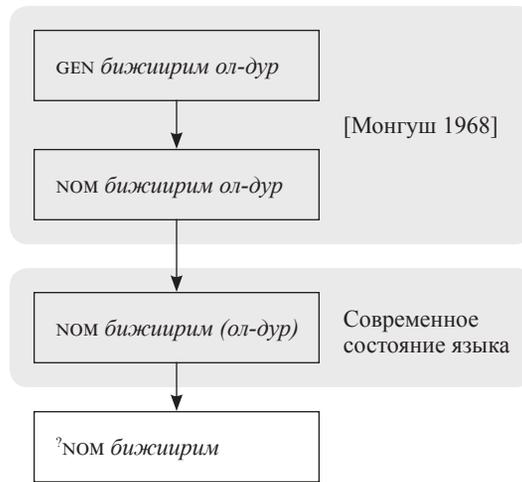

Схема. Грамматикализация формы на $-p_2$

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1SG	1 лицо единственного числа (обоих типов)	NEG	аффикс отрицания
2SG	2 лицо единственного числа (обоих типов)	LOC	местный падеж
ACC	винительный падеж	NOM	именительный падеж/ основной падеж
ALL	направительный падеж	POSS	аффикс принадлежности
AUX	вспомогательный глагол	P/F	настоящее-будущее время
CV	деепричастие	PL	множественное число существительных
DAT	дательный падеж	PRF	перфект/ прошедшее-неопределенное время
FUT.NEG	отрицательная форма причастия будущего времени/ отрицательная форма настоящего-будущего времени	PRFV	аффикс перфективизации
FUT.PTCP	причастие будущего времени	PRT	частицы
GEN	родительный падеж	PST	претерит/ прошедшее категорическое время
IMP	повелительное наклонение	RECP	реципрок (взаимно-возвратного вида)
		Q	вопросительная частица

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Байыр-оол 2009 — Байыр-оол А. В. Частицы тувинского языка, образованные от бытийных глаголов (в сопоставлении с якутским и хакасским языками) // Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2009. [Baiyr-ool A. V. *Chastitsy tuvinskogo yazyka, obrazovannye ot bytiinykh glagolov (v sopostavlenii s yakutskim i khakasskim yazykami)*. Avtoreferat kand. diss. [Tuvan particles derived from existential verbs (compared with the Yakut and Khakas languages). Author's abstract of the cand. diss.]. Novosibirsk: Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009.]
- Бульгина 1982 — Бульгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Селиверстова О. Н. (ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7—52. [Bulygina T. V.

- Towards building a typology of predicates in Russian. *Semanticheskie tipy predikatov*. Seliverstova O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1982. Pp. 7—52.]
- Зализняк 1992 — Зализняк Анна А. Контролируемость ситуации в языке и в жизни // Арутюнова Н. Д. (ред.). Логический анализ языка: Модели действия. М.: Индрик, 1992. С. 138—145. [Zaliznyak Anna A. Situation controllability in language and in life. *Logicheskii analiz yazyka: Modeli deistviya*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Indrik, 1992. Pp. 138—145.]
- Исхаков, Пальмбах 1961 — Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Издательство восточной литературы, 1961. [Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [The Tuvan grammar. Phonetics and morphology]. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi Literatury, 1961.]
- Кормушин 1988 — Кормушин И. В. Категория времени // Тенишев Э. Я. (ред.). Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М.: Наука, 1988. С. 368—423. [Kormushin I. V. The category of tense. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Morfologiya*. Tenishev E. Ya. (ed.). Moscow: Nauka, 1988. Pp. 368—423.]
- Кустова 1992 — Кустова Г. И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Арутюнова Н. Д. (ред.). Логический анализ языка: Модели действия. М.: Индрик, 1992. С. 145—150. [Kustova G. I. Some problems of action analysis in terms of control. *Logicheskii analiz yazyka: Modeli deistviya*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Indrik, 1992. Pp. 145—150.]
- Монгуш 1968/2009 — Монгуш Д. А. Об аналитической форме предикации в тувинском языке. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1968. № XIII. / По изданию: Монгуш Д. А. Тувинский язык и письменность. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. С. 51—57. [Mongush D. A. On the analytical form of predication in Tuvan. *Uchenye zapiski TNIIYaLI*. 1968. No. XIII. Quoted after: Mongush D. A. *Tuvinskii yazyk i pis'mennost'* [The Tuvan language and literature]. Kyzyl: GUP RT «Tyvapoligraf», 2009. Pp. 51—57.]
- Монгуш 1985/2009 — Монгуш Д. А. О некоторых структурных типах простого предложения в тувинском языке // Абдурахманов Г. А., Ходжиев А. П. (ред.) Тюркское языкознание: Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент: Фан, 1985. / По изданию: Монгуш Д. А. Тувинский язык и письменность. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. С. 117—122. [Mongush D. A. On some structural types of the simple sentence in Tuvan. *Tyurkskoe yazykoznanie: Materialy III Vsesoyuznoi tyurkologicheskoi konferentsii*. Abdurakhmanov G. A., Khodzhiyev A. P. (eds.) Tashkent: Fan, 1985. Quoted after: Mongush D. A. *Tuvinskii yazyk i pis'mennost'* [The Tuvan language and literature]. Kyzyl: GUP RT «Tyvapoligraf», 2009. Pp. 117—122.]
- Монгуш 1998 — Монгуш Д. А. Частицы как компонент аналитических сказуемых // Языки коренных народов Сибири. 1998. № 4. С. 122—153. [Mongush D. A. Particles as components of analytical predicates. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. 1998. No. 4. Pp. 122—153.]
- Овсянникова 2009 — Овсянникова М. А. Приложение. Список глаголов // Сай С. С., Баранова В. В., Сердобольская Н. В. (ред.). Исследования по грамматике калмыцкого языка. Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. V. Ч. 2. СПб.: Наука, 2009. С. 857—865. [Ovsyannikova M. A. Appendix. A list of verbs. *Issledovaniya po grammatike kalmytskogo yazyka*. Sai S. S., Baranova V. V., Serdobol'skaya N. V. (eds.). *Acta linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. Vol. V. Part 2. St. Petersburg: Nauka, 2009. Pp. 857—865.]
- Ооржак 1996 — Ооржак Б. Ч. Глагольная форма на *-galak* в тувинском языке // Лукьянова Н. А. (ред.). Материалы XXXV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс: филология». Новосибирск: НГУ, 1997. С. 45—46. [Oorzhak B. Ch. The verbal form ending in *-galak* in Tuvan. *Materialy XXXV Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii «Student i nauchno-tehnicheskii progress: filologiya»*. Luk'yanova N. A. (ed.). Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 1997. Pp. 45—46.]
- Ооржак 2014 — Ооржак Б. Ч. Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Oorzhak B. Ch. *Vremennaya sistema tuvinskogo yazyka* [The tense system of Tuvan]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2014.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Сат 1955 — Сат Ш. Ч. Тувинский язык. Приложение к тувинско-русскому словарю // Тувинско-русский словарь (под ред. А. А. Пальмбаха). М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей,

1955. С. 615—721. [Sat Sh. Ch. The Tuvan language. Addendum to the Tuvan-Russian dictionary. *Tuvinsko-russkii slovar'*. Pal'mbakh A. A. (ed.) Moscow: Gos. Izd-vo Inostrannykh i Natsional'nykh Slovarëi, 1955. Pp. 615—721.]
- Черемисина, Скрибник 1988/2004 — Черемисина М. И., Скрибник Е. К. Глагольные грамматикализованные конструкции в алтайских языках // Черемисина М. И. (ред.) Языки народов СССР: Сборник научных трудов. Новосибирск: НГУ, 1988. С. 5—20 / По изданию: Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. С. 509—520. [Cheremisina M. I., Skribnik E. K. Verbal grammaticalized structures in the Altaic languages. *Yazyki narodov SSSR: Sbornik nauchnykh trudov*. Cheremisina M. I. (ed.). Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 1988. Pp. 5—20. Quoted after: Cheremisina M. I. *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk: Nauka, 2004. Pp. 509—520.]
- Шамина 2005 — Шамина Л. А. Экспрессивно-оценочные аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. 2005. № 16. С. 47—61. [Shamina L. A. Expressive-evaluative analytical predicate structures in Tuvan. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. 2005. No. 16. Pp. 47—61.]
- Шамина 2014 — Шамина Л. А. О перспективе в тувинском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2014. № 1. С. 73—79. [Shamina L. A. On the prospective in Tuvan. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*. 2014. No. 1. Pp. 73—79.]
- Шамина, Черемисина 1982 — Шамина Л. А., Черемисина М. А. Причастие на *-галак (-калак)* в тувинском языке // Убрятова Е. И. (ред.) Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. С. 57—69. [Shamina L. A., Cheremisina M. A. The participle ending in *-galak (-kalak)* in Tuvan. *Grammaticheskie issledovaniya po yazykam Sibiri*. Ubryatova E. I. (ed.) Novosibirsk: Nauka, 1982. Pp. 57—69.]
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Harrison 2000 — Harrison K. D. *Topics in the phonology and morphology of Tuvan*. PhD dissertation. New Haven (CT): Yale Univ., 2000.
- Nevskaya 2005 — Nevskaya I. A. The typology of prospective in Turkic languages. *Sprachtypologie und Universalienforschung. Language typology and Universals*. 2005. Vol. 58. No. 1. Pp. 111—123.
- Ultan 1978 — Ultan, R. The nature of future tenses. *Universals of Human Language. Vol. 3. Word Structure*. Greenberg J. H., Ferguson Ch. A., Moravcsik E. A. (eds.). Stanford: Stanford Univ. Press, 1978. Pp. 83—124.

Статья поступила в редакцию 16.09.2015.